

СКЛЕЙКА ПОНЯТИЙ У ОСНОВАТЕЛЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Александров Н.Н.

Пройдемся теперь по нашей базовой схеме геополитики и обозначим доминанты:

АБИОСФЕРА

1. Доминанта геосферы (абиосферы Земли):

- расположение (север – юг, восток – запад, верх – низ = горы – долины и т.п.),

- минеральные и другие естественные ресурсы (нефть, газ, торф и т.д.),

- плодородие почвы,

- возможности сухопутной коммуникации (и т.п.)

2. Доминанта гидросферы (Воды):

- водные ресурсы (питьевая вода, вода для полива),

- вода как источник биоресурсов для питания,

- вода как фактор среды обитания (влажность-сухость),

- водные коммуникации в разновидностях (и т.п.)

3. Доминанта атмосферы (Воздуха):

- пригодность для дыхания (пыльность, влажность, разреженность и т.п.),

- воздух как источник биоресурсов для питания (горная флора и фауна в отличие от равнинной и т.д.),

- воздух как среда для коммуникаций (и т.д.),

4. Доминанта огня (Солнца). Место на планете и климат.

БИОСФЕРА

5. Доминанта источников питания и (флора и фауна), рацион,

6. Доминанта демоса (популяция людей) – этноса (биосферы) и далее,

ОБЩЕСТВО

7. Доминанта техноса (способ производства, технологические уклады и т.д.)

8. Доминанта культуры:

- ценностное (например, моральное) содержание культуры,
- выразительно-организующая форма культуры: традиции, ритуалы, мифы как способы культурной организованности гражданского общества,

9. Доминанта машинной организованности общества:

- машины государства (и политики),
- машины религии,
- машины ТНК (большие организационно-технические системы).

10. Доминанта мышления и интеллекта как человеко-семиотической машины.

Аспекты геополитики часто задают и **по типам деятельности**:

- экономика, включая финансы (производство, преобразование),
- мораль, нравственность, этика (ценностно-ориентационная деятельность; шире – это проявленный менталитет),
- искусство, СМК (коммуникативная деятельность, общение),
- потоки идей (познание, ноосфера).

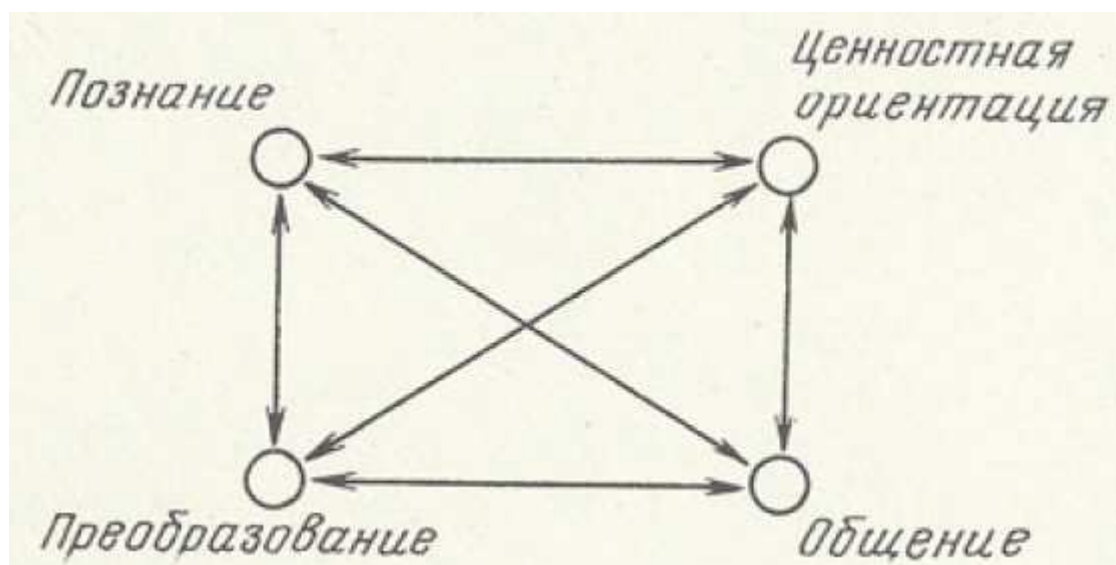

Рис. 1. Типы деятельности по М.С. Кагану.

В предыстории геополитики последовательно осваиваются модели связанности топоса со всеми выделенными здесь уровнями. А идея геодетерминизма акцентирует эту связанность без особой заботы о том, чтобы выстроить какую-то *закономерность*. Между тем она очевидна, и мы поговорим об этом в данном тексте. Изначально ее можно свести к схеме:

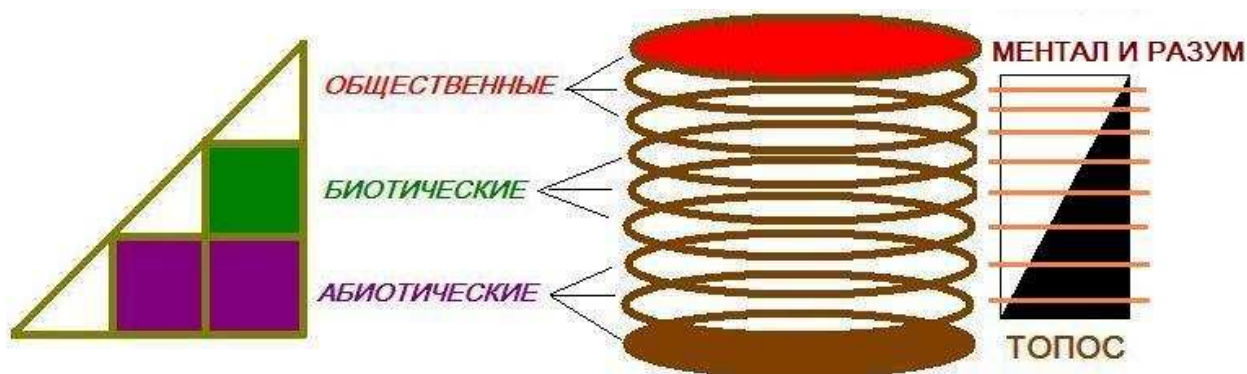

Рис. 2. Уменьшение связанности (зависимости) факторов от топоса.

В науке, соответственно, обозначаются физическая география, экономическая география, социальная география и многое другое. Если уж быть последовательным, экономическую и социальную географию следует признать частью *общественной географии*. Как и «политическую» географию. Ведь политика, как мы уже отмечали – это разновидность управленческой деятельности в обществе, имеющей два контура.

Вообще-то, предназначение «политической географии» к современному пониманию политики отношения не имеет. Речь в ней идет скорее о менеджменте (на уровне государства, территорий и т.д.), а география (гео) выступает как описание ресурсов такого менеджмента. Но термин «политика» в романских языках часто используется как синоним управления. С этого, кстати, уже можно начинать разговор о Ратцеле.

В рамках политологии, что характерно, *геополитика* выделяется как отдельная отрасль политологии. Например, именно такова ее роль в ряду пяти аспектов политики у Р. Челлена:

– кратополитика (формы правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономическими факторами);

- социополитика (социальные аспекты Государства);
- экополитика (Государство как экономическая сила);
- демополитика (динамические импульсы, передаваемые народом Государству; аналог «Антропогеографии» Ратцеля);
- геополитика (географический организм в пространстве).

Мы переходим к автору, которого все считают подлинным «отцом геополитики, хотя сам Ф. Ратцель этого термина в своих трудах не использовал, а писал о политической географии. Но он проделал одну очень важную мыслительную операцию, сменив «рамку» по отношению к своим предшественникам. Его предшественники честно хотели оставаться в рамках естествознания, причем физико-химического, что в политологии уже вряд ли было возможно – общество не тот объект. Ратцель пошел по пути социал-дарвинизма: он придает государству (социальным общностям) характеристики живого организма.

В построении, которое мы привели первоначально, на абиотическое основание (**абиосфера**) поставлен биотический мир: флора, фауна, демос (популяция людей, подчиненная **биосфере**). Над ними надстраивается **общественная сфера**, имеющая свои законы существования. Поэтому аналогия между машиной государства и организмом – частью биосферы – вообще-то ложная. Но почему она у Ратцеля местами так убедительна? А потому, что в случаях с органической аналогией пишет он вовсе не о государстве, а об *эгрегоре социальной общности* на определенной отграниченной территории. И это порождает правдоподобие, подмена терминов не видна.

У Ратцеля прослеживается ряд важных для него терминов: «пространственный смысл», «чувство пространства» (sinn) и «Жизненная энергия» (Lebensenergie). В двух «полевых» работах он специально рассматривает «чувство пространства» у американцев. Все эти термины – из теории менталитета, поскольку *СМЫСЛ, ЧУВСТВО, ЭНЕРГИЯ* – это

калокагатические понятия, присутствующие только по отношению к ментосфере.

Коротко говоря, Ратцель как социолог не разводит до конца два способа управления – ментально-культурный и машинный, и не вводит для себя различия ментосферы и ноосферы. Наоборот, у него наблюдается «склейка» этих понятий, весьма характерная для ранних этапов науки.

Ну а поскольку мы это различаем, то можем отделить зерна от плевел и сказать: местами Ратцель верно описывает поведение больших групп людей на территории, объединенных общим эгрегором (и в силу этого – общим менталитетом). Это имеет отношение к этносу и чуть меньше к народу, но уже к нации и, особенно, к машине государства это может не иметь вообще никакого отношения. Особенно явно это стало в XX веке, в котором возникли такие проектные общности как в гитлеровской Германии и особенно у нас в СССР – «советский народ». Мы писали об этом на АТ.

Но что действительно верно, так это то, что *большие эгрегоры продолжают жить по законам биосферы*, поскольку модифицированный мышлением эгрегор все равно продолжает жить по законам эгрегориального мира. Эгрегор есть «энергетическая форма жизни», и как форма жизни, он подчинен многим законам форм жизни. Ратцель, несомненно, наткнулся на это – и не он один, но в момент, когда в истории общества ноосфера начинает выходить на доминирующие позиции по отношению к ментосфере. Мы многое про это написали, а здесь отметим: исторически конец XIX века – это момент «перелома графика» истории. Конец полной власти ментосферы (что выразилось в невиданном расцвете тогда гуманитарной культуры) и начало доминирования ноосферы-техносферы (инженерия всех видов, искусственно-технический подход, технократия и т.д.).

В этом и состоит парадокс учения Ф. Ратцеля и его историческая судьба. Он был ученым, а использовали его учение инженерно. Ведь геополитика это идеология + инженерия. Идеология в руках харизматических лидеров, инженерия в руках политтехнологов, работающих топ-менеджмент.

Ф. Ратцель как системогенетик

Без Ратцеля развитие геополитики было бы немыслимо, поэтому Челлен, например, или кто-либо другой не может быть назван, как это иногда случается по невежеству, отцом геополитики. Им является Ратцель.

О. Мануэль.

Я уже неоднократно говорил, что любой творец – в науке и в искусстве – обязан сделать синтез всего самого существенного и интересного, что есть в его времени. Например, в музыке Битлз синтезируются самые невероятные тенденции их эпохи – и потому она приобретает такую многослойность и объемность, оставаясь популярной по сей день. В работах Ратцеля и Шпенглера то же самое – они постоянно переиздаются, не теряя своей оригинальности, хотя ошибочность их исходных положений уже давно «перейдена» наукой. Но интересна в них живая поисковая активность людей, которые прямо у нас на глазах производят синтез многого, получая новое целое. Они оба талантливые литераторы, как и А. Бергсон, их образы все еще живут и будут жить сами по себе – независимо от неистинности учений.

Исходные компоненты синтеза. Подход к новой науке был обусловлен во-первых, генезисом Ратцеля как ученого: в молодости он прослушал курсы *геологии, палеонтологии и зоологии*, затем продолжил академические занятия в русле *демографии* и окончательно вырос на исследованиях по *этнологии*. После чего Ратцель преподавал *географию* но при этом интересовался и *политикой*, как все утверждают, «занимая националистические позиции». В его теории есть следы всех этих влияний, явные или неявные, но есть. Например, Ратцель переносил в социальную область закономерности развития не только животного, но и растительного мира. Он использовал и развил миграционную теорию М. Вагнера и т.д.

Организмизм. Стоит отметить, что на Ратцеля несомненно повлиял популярный в тот время в Германии организмизм. «Органический» подход в рамках немецкой научной школы был широко распространенным явлением:

можно назвать хотя бы Г. Рюккерта и его «Учебник мировой истории в органическом изложении», вышедший даже в России в 1857, или «органическую социологию» Ф. Тённиса («Община и общество»). Эта традиция оказала явное влияние не только на основателя геополитики, но и на О. Шпенглера – его учение из той же «органической» серии, хотя куда более вольное в интерпретациях.

Основной канонический постулат Ратцеля: государство есть организм в пространстве. В системном понимании – в среде.

Из органицизма же проистекает и основной временной тезис Ратцеля: государство рождается, растёт, умирает, подобно живому существу. По сути, он говорит о цикле, **жизненном цикле системы** под названием «государство».

Что характерно, политически ангажированный автор, может и помимо воли, но выходит на оправдание немецкого экспансионизма. Цикл жизни государства рассматривается им через ряд стадий. И первая фаза после рождения – *фаза экспансии*, абсолютизируется Ратцелем без особых обоснований, на основе простой аналогии с молодыми организмами. А немецкое государство – вот оно, только что возникшее в середине века. Хотя этого никак нельзя сказать о немецком народе, история которого значительно старше собранного Бисмарком государства. Напротив, во времена Гитлера превозносилась именно древность и устойчивость национальных корней. Здесь-то и проявилась та «склейка» двух разных понятий (ментальное управление в культуре и машинное управление в цивилизации), которую Ратцель изначально не различает. Вот почему **недостоверным является основное предположение Ратцеля, что пространственная экспансия государства – это естественный живой процесс, подобный росту живых организмов.** Напротив, все, что происходит в государственном управлении, особенно в XX веке, носит проектный, искусственно-технический характер. Да и всегда носило, хотя и в разной степени – управление в государстве по принципу рациональное.

Впрочем, о чем-то таком он догадывался. После знакомства с Северной Америкой и ее подробного изучения, у Ратцеля сложилось понимание, что американцы, говоря современным языком – проектная нация. В том числе и в отношении к пространству: они *действуют осмысленно*, а вот Старый Свет в своей истории *действовал стихийно и интуитивно*. Это очень важно отметить, поскольку он зафиксировал для себя то, что мы бы назвали «ментосферная» и «ноосферная» части истории. Но основные выводы Ратцеля этой фиксации не содержат, а зря.

И потому *идеология экспансии* в таком виде, как она изложена у Ратцеля – стала прекрасной дымовой завесой, чем политические лидеры всех мастей не преминули воспользоваться. И тогда обвинение коллег, что он написал «катехизис для империалистов», верно и по сути, и по форме.

Но важнее другое. Исходные понятия Ратцеля дальше перерастают создателя, выходят в область догм и раздуваются до невероятных пределов, особенно у Хаусхофера и Шмита. Об этом мы поговорим потом подробнее.

Говоря о пределах экспансии, Ратцель доходит до концепции «мировой державы» (*Weltmacht*). Большие страны в своем развитии имеют тенденцию к *максимальной географической экспансии, пределом которой является вся планета*. Но прежде развитие государства в пространстве должно подойти к «континентальной фазе». Он как бы предвидит объединенную Европу и американский планетарный глобализм.

Дарвинизм. Дарвиновские идеи были восприняты Ратцелем через Эрнста Геккеля, прямого ученика Чарльза Дарвина. Отсюда его очевидный «социалдарвинизм». Под влиянием дарвиновских постулатов, он и рассматривал государство как «живой организм, борющийся за свое существование». Хотя такого расширения сам Дарвин вроде никак не предусматривал.

Будучи сторонником целостного подхода, Ратцель рассматривал земной шар в единстве, и человека как его часть. Потому он считал, что

человек приспособливается к своей среде обитания так же, как флора и фауна.

Эволюционизм. На грани двух веков эволюционизм был мощным течением мысли, мимо которого Ратцель пройти просто не мог. На него несомненно оказало влияние учение английского социолога-позитивиста Г. Спенсера и ряда других эволюционистов его времени.

Мы уже упоминали, что корни «политической географии» Ратцеля следует искать в «социальной географии» К. Риттера, который установил основные связи топоса с обществом. Эволюционизм спенсеровского толка позволял довести гипотетические схемы геодетерминизма до широчайших обобщений, что Ратцель и продемонстрировал. Но в его эволюционных воззрениях следует разобраться особо. Цикличность – это одно, а связь циклов государств в истории, эволюционная связь – это другое.

Говоря о системогенетичности теории Ратцеля, следует отделить его учение о пространстве государства (топос) и его учение о пульсации организма (хронос). Пульсация людских общностей происходит во времени и пространстве, и если бы Ратцель подробнее развил временную составляющую своего учения, он может быть и перешагнул бы в XX век как методологически новый автор. Но он ее только обозначил парой мастерских мазков, не более того. И потому остался, хоть и системщиком, но автором XIX века.

Понятие-склейка «пространство» у Ратцеля

Зависимость между размерами государства и его «силой» отмечали многие геодетерминисты. И связь размеров пространства с управлением в государстве – тоже.

Но у Ратцеля «пространство» – отнюдь не территория, отграниченная границами государства, не физико-географическое понятие. Его «пространство» само есть политическая сила. Очевидно, что это его понятие – ментальное. И к государству имеющее только косвенное отношение. Взять

хотя бы Россию – уж сколько «государств» на ней перебивало за один только век – аж три. При этом природные рамки, в которых происходит наша история, почти не изменились.

Если подходить с позиций менталитета, то достаточно развившийся народ непременно имеет свою «пространственную концепцию». Да и временную тоже: это просто те координаты ментального хронотопа, без которых его существование невозможно.

Но Ратцель говорит вроде как другое, привлекая циклическую модель: упадок государства есть *результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства*. Здесь опять натяжка – жизнь государства и «жизнь менталитета» у него склеились. Если вы, любезный читатель, внимательно пролистаете мою книгу на АТ «Эволюция пространствоощущения», то заметите, что «ментальное пространство» циклически изменяется всегда и везде по одному и тому же закону. И при государстве, и до появления государств, а главное – помимо государства. Это ментальные циклы, а не циклы государств. Так, например, на территории Древнего Египта зафиксировано, по сути, три волны очень разной государственности с огромными многовековыми перерывами между ними. У них совершенно разные оттенки менталитета, и, тем не менее, – это один ментальный цикл со своей закономерностью. Тогда как их следует рассматривать по Ратцелю – как три государства, или как одно? Если бы он использовал понятие «цивилизации», было бы проще ответить.

В 1882 г. в Штуттгарте вышел фундаментальный труд Ратцеля «**Антропогеография**» («Antropogeographie»),

Здесь сформулированы базовые идеи геополитики:

- географические особенности территории связаны с демографией;
- географические особенности территории связаны с эволюцией народов и оказывают влияние на становление народов;

– географические особенности оказывают решающее влияние на культуру;

– географические особенности оказывают решающее влияние на политику.

Что характерно, он с позиций геодетерминизма идет по нашей схеме снизу вверх: топос – демос, топос – (этнос) народ, топос – культура (культурная организованность), топос – политика (государственная организованность).

Но связь географии и развития государства здесь на самом верху, и потому подтвердить ее вообще в достаточной мере ему так и не удастся, ни в том сочинении, ни в последствии. Эта гипотеза, принадлежащая, кстати, А. Геттнеру, так и не вышла за рамку гипотезы.

И хотя Ратцель сердито пишет в предисловии: *«Нельзя терпеть дальнейшего существования разницы между научной трактовкой вопросов физической географией и их ненаучной трактовкой политической географией»*, но подтвердить свой основной тезис ему на самом деле нечем. Если политическая жизнь государств обусловлена непосредственным воздействием географической среды, то откуда же такое разнообразие очень разных государств в истории *на одних и тех же географических местах?* Почему меняются эти государства, по какому сценарию? И т.д.

И Ратцель пробует ответить на ряд вопросов в следующей работе «Народоведение» (1893). Но ничего особо существенного, кроме факторов расположения народа на территории Земли и плотности народонаселения, он не обнаруживает. Из это тоже никак не следует, что география прямо связана с государственным управлением. Слишком много слоев-посредников между топосом и рациональным уровнем государства – они гасят эту связь, даже если она и очень сильная (см. рис. 2).

Сделаем свой вывод, и он противоположен выводу Ратцеля: степень обусловленности, если идти от топоса по уровням вверх схемы геополитики, падает и становится нулевой в случае с ноосферой (духовной сферой

общества). Она *большая* на первых этапах истории в связке топоса с питанием и хозяйством, *поменьше* в случае связки топоса с демосом и этносом, *совсем ослабляется* связь топоса в случае с культурой и менталитетом (хотя еще есть), и равна нулю связь топоса в случае с государством и особенно производством идей, с рациональностью.

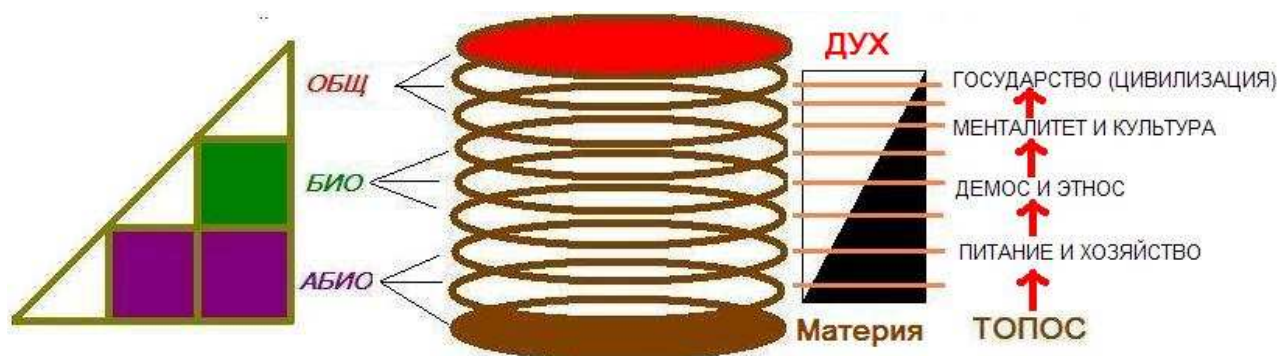

Рис. 3. Падение зависимости геополитических факторов от топоса.

Общепринятая точка зрения о том, что при приближении цивилизаций к Северу растет рациональная составляющая, да, имеет место быть в истории. Но это и понятно: если у вас мало одного ресурса (например, сырья и питания), вы будете пытаться компенсировать его другим (техникой и рациональностью). Характерный пример – Великобритания, почти не имеющая своих источников сырья, плодородных почв и т.д. Здесь в истории мы наблюдаем и взлет мысли, и рационализацию государства, и пространственную экспансию на этом новом основании – а не потому что «организм государства вошел в фазу экспансии». Организм был уже довольно старый.

Подвижность-неподвижность в развитии этносов Ратцель объясняет условиями их географического расположения на земном шаре. В какой-то мере это работавший в истории фактор, но не сейчас. И возводить его в абсолют даже в истории тоже не стоит. Хорошо бы по этому поводу получить простую и достоверную статистику – но ее как-то не наблюдается.

Ратцель пишет, что «...в большой плотности населения заключается не только прочность и порука энергичного развития народа, но и непосредственный стимул к росту культуры». И это не есть обязательно:

плотность населения была наивысшая в Китае не один век, но скачок в новую эпоху НТР с новой культурой совершила Европа, а не Китай.

Ничего существенно нового из области идей не содержит и главный труд Ратцеля «Политическая география» («Politische Geographic»), который увидел свет в 1897 г. Характерно, что опубликован он век назад: именно это время отмечается всплеском геополитической научной активности и в Германии, и в Великобритании, и в России.

Зато мифологема Ратцеля – «государство является живым организмом», но организмом, «укорененным в почве» – здесь появляется в полном блеске. Отношений государства и земли доводятся до слогана: «Государство нуждается в земле, чтобы жить». И далее:

«Политическая организация территории превращает государство в организм, в который определенная часть земной поверхности входит так, что свойства государства оказываются составленными из свойств народа и территории. Важнейшими из этих свойств являются размеры, положение и границы, далее вид и форма территории с ее растительностью и водами и, наконец, ее отношение к другим частям поверхности».

Наблюдаете, читатель, или нет, но в этой цитате очевидна подмена: *политическая организация (государство)* на территории – штука сугубо рациональная, как показала история возникновения США. Ее спроектировала группа умных и опытных людей. И «превратиться» с этой стороны в «организм» по Ратцелю она никак не может – нет длительной истории, чтобы все «устаканилось». Хотя бы потому, что ни единого этноса, народа, ни новой нации на этой территории тоже пока еще нет, а вот государство уже есть. С чем должно складываться здесь влияние топоса? И есть ли оно?

И если выдвигается строго географический фактор, – поверхность Земли, то как объяснить, что до возникновения США эта «поверхность» никак не способствовала созданию столь же могучего государства индейцев? А они там прожили немало, куда больше пришлых европейцев и африканских рабов. Поэтому утверждение, что развитие государства и его форма без

каких-либо промежуточных звеньев непосредственно зависит от территории, границ и пространственного отношения с другими государствами – это чушь.

Отсутствие схемы понятия «общества» у Ратцеля приводит его к топтанию на месте: по мнению Ратцеля, *государство совпадает с государственно организованным обществом и является выражением интересов всего общества* – это уже политический миф. Вот уж не сказал бы этого про наше общество и государство, где все наоборот: 95% общества голосует против, а государство как тот кот Васька – «слушает, да ест».

Сделаем вывод за Ратцеля: государство не есть организм, государство есть машина из людей. Органическая часть (но не государства, а общества) – это менталитет и культура, которые связаны с человеческим социумом (в форме этноса или демоса). Да, государство предназначено для защиты общих интересов, но от этого оно не перестает быть машиной из людей. Поэтому на самом деле Ратцель, говоря о нации, пишет о «национальном государстве»:

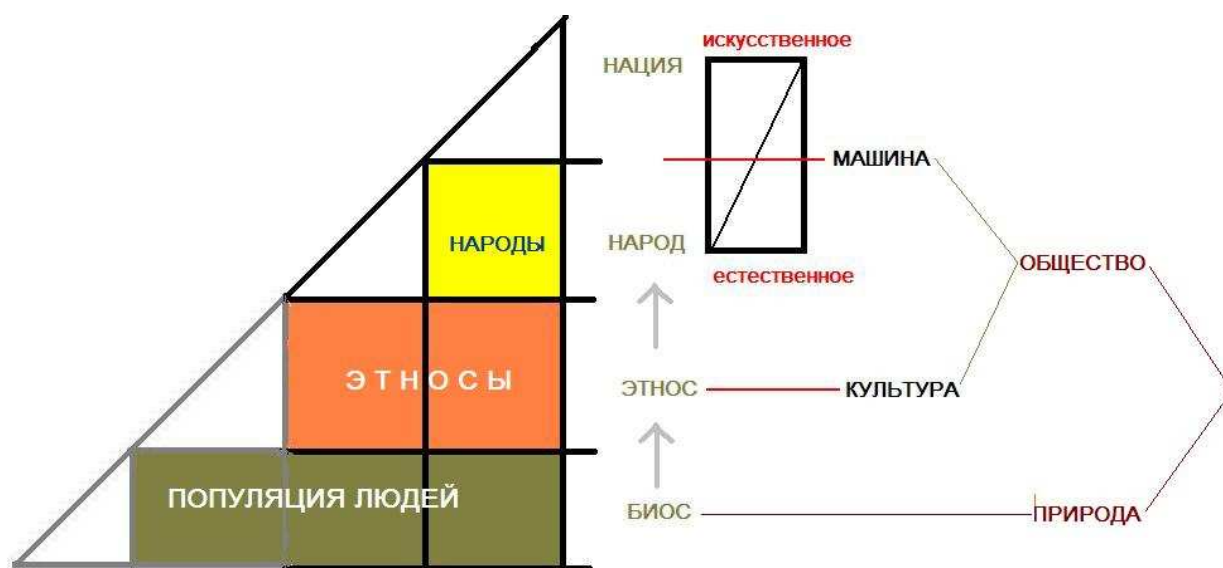

Рис. 3. Три компонента состава (в естественной парадигме).

Понимая эту неувязочку, Ратцель и дает свою классическую «склейку»: определение «**нормального**» государства, органично сочетающего географические, демографические и этнокультурные параметры в отношении нации. Представим слово самому автору «Политической географии»:

«Государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения. Как показывают этнография и история, государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии. Таким образом, государства оказываются пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством; и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Государства вписываются в серию явлений экспансии Жизни, являясь высшей точкой этих явлений».

Уже из этого отрывка видно, что Ратцель последовательно развивает ряд тезисов:

- государство является живым организмом, «укорененным в почве»,
- оно рождается, растет и умирает, подобно всему живому;
- государство складывается из территориального рельефа и масштаба и из их осмысления народом;
- в государстве отражаются объективная географическая данность и субъективное общенациональное осмысление этой данности, выраженное в политике;
- земля (почва) является той неизменной данностью, вокруг которой вращаются интересы всех народов;
- история опосредована «почвой» и территорией;
- поскольку мы имеем дело с организмом, то пространственная экспансия государства есть естественный процесс; пространственное расширение и сжатие связаны с его внутренним жизненным циклом.

Из органицистского подхода автора явствует, что пространственная экспансия *государства* понимается Ратцелем как естественный живой процесс, подобный росту живых организмов. Но говорит он на самом деле не о государстве – машине из людей, строящейся рационально, а о менталитете и его носителе – народе, этносе, демосе. Здесь иррациональность, да, присут-

ствуется, а рациональность отсутствует. Все остальное у Ратцеля есть развитие и украшение этой ключевой логической склейки под названием «нормальное государство».

Через тридцать лет после его смерти Германия доказала, что «нация» – это рационально проектируемое образование, продукт политической технологии. А тексты Ратцеля, весьма популярные и охотно издаваемые в нацистской Германии, выполняли в этом проекте роль образной идеологемы – морально оправдывали экспансию нацизма, обладая шармом «научности» (что так завораживало немцев, обожающих свою науку). В степени научности текстов Ратцеля никто тогда не сомневался, а вот отмеченный нами «недочет в понятиях» стоил народу Германии очень и очень дорого. Ведь на самом деле экспансионистский проект нацизма был сугубо рациональным государственным проектом кучки политиканов, дорвавшихся до власти. И к потребностям народа, его исторически сложившемуся менталитету, он не имел прямого отношения – хотя нацисты нашли, на что надавить в менталитете своего народа, чтобы резонировать с ним в лозунгах. Против рационального проекта, запомните это, *народ беззащитен*. Особенно, когда из него куют «нацию», где происходит искусственное сращивание народа и государственной бюрократии – и у нас было то же самое, и в США. Это образование никак не назовешь «естественным», хотя Ратцель именно эту подмену и допускает.

Вот почему немецкому народу пришлось затем публично покаяться в том, в чем этот народ не был виноват. Здесь мы сталкиваемся с соотношением политической «элиты» и «массы», если под массой понимать остальной народ. Ведь точно таким же образом Горбачев с его сподвижниками предал свой народ – и разве это наш народ в этом виноват? Не естественное развитие народа порождает проекты фашистов, мондиалистов и горбачевых. Здесь мы имеем дело с противоположной логикой, с другим контуром управления, который активизировался именно в XX веке: рациональные проекты политических элит в силу новой технологической

оснащенности становятся значительно сильнее «естественных» закономерностей, которые, несомненно, были так важны в развитии этносов, народов и государств в прошлом. Но история, как мы считаем, кардинально изменилась на грани XX века, поэтому место моделей Ратцеля – в прошлом. Их не надо отбрасывать, их надо разбирать (декомпоновать), чтобы понимать их «проколы». Иначе очередные политиканы и игривые теоретики снова будут ссылаться на них как на истину в последней инстанции.

Будучи ученым, Фридрих Ратцель не создавал «геополитики» – это сделали потом за него не в меру приткие ученики, обычно приближенные к власти. Но как политически озабоченный гражданин Германии, он очень хотел достучаться до власти имущих со своими идеями. И достучался-таки, хоть и после смерти. Вряд ли он порадовался бы результатам этого.

Его «политическая география» – вполне солидная наука в ряду подобных наук конца XIX века, очень быстро была редуцирована до «геополитики» XX века – особой разновидности инструментального рационализма для нужд политики. Геополитика нужна для получения прогнозов и проектов будущего. А здесь, на этом поле, «научность» и «истинность» моделей никогда и никого не интересовала – только политическая актуальность. Кстати, Ратцель это хорошо понимал.

Место геополитики с позиций хронополитики

История есть конический цикл, в котором нарастает ускорение общественных процессов. А во-вторых, на место «естественных» детерминант приходят «искусственные». Момент, когда создаются основные мифологемы геополитики – это момент перехода от длиннопериодных и среднепериодных циклов к короткопериодным. Это и есть историческое место моделей геополитики – начало XX века.

Рис. 4. Иерархическая система циклов в истории.

Поскольку это сочетается с ускорением общественных процессов и переходом доминирования к искусственным политтехнологиям, всерьез использовать теорию «естественных» детерминант, а это и есть геополитика по Ратцелю и его последователям, уже невозможно. Как мы видели в истории, у нас не только Никита Сергеевич баловался волюнтаризмом: проектирование и производство власти стало всеобщим в исторически доминирующих странах.

Между тем, развитие человеческих обществ на планете до сих пор крайне неравномерное. Поэтому к очень многим народам и даже государствам выводы ранней геополитики все еще применимы. Точнее, в эпоху глобализации нужно точно взвешивать степень «естественности» и «спроектированности» политики. А определить это иногда крайне трудно, поскольку политтехнологии успешно маскируются, памятуя опыт нацизма. В реальности мы всегда имеем разные пропорции естественного и искусственного.